

Мир как сумма взаимодействий

Александр Иванович Неклесса

руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Город – национальное государство – геокон – мир сообществ

Сегодня эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению. Города – деятельные организмы, заселив планету, они продолжают умножаться в числе. Расползаясь мегаполисами, обрастая фавелами, претерпевая разнообразные мутации, превращаются в хабы, терминалы, закоулки глобального метаполиса.

Разговоры о постиндустриальном или информационном обществе, конфликте цивилизаций, «конце истории», плоском или подвижном мире – попытки опознания сути переживаемого транзита, его сшитая на живую нитку формализация. Токи универсализма и персонализма, миграция народов расплавляют арматуру политических наций, «мировой пожар» охватывает затем территориальные, отраслевые, профессиональные институты/организованности, обжигая огнем бытия. Количество жителей на планете прирастало за прошлый век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изошренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия, результативность комплексных процедур. На трансграничной земле ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений.

Прежний мир развоплощается, его обитатели утрачивают привычный статус, инструменты цивилизации усложняются, функции персонализируются, трескается скорлупа обезличенных институтов. «Восстание масс», растворяясь в индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье эпох и культурных миров соборная Ойкумена подвергается теперь трансгрессии и вивисекции со стороны новых варваров Севера и Юга. Национальные государства утрачивают привычную актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глобализации, глокализации, субсидиарности, новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные и геоэкономические интегрии, по-своему перемалывающие состояния и границы прежних обществ.

Глобальная революция – грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете сегодня складывается полифоничная среда, формируется подвижное многоликое и многолюдное общество. Наряду с прежней политэкономической феноменологией и поверх административной сетки возникает мир сообществ, выстраиваемых по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность мест обитания.

Новое мироустройство заметно изменяет прописи практики. В XXI веке страны уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации: корпоративные и социокультурные интегрии, люди. В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты: мировые регулирующие органы, страны-системы, геоэкономические ареалы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые организмы, рожденные цивилизацией, облакаются в подвижные оболочки – суммы взаимодействий, реализуемые всё чаще неформальным и частным образом.

В этих условиях обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный стратегический ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – оригинальному мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль особой склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами социокультурный капитал – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI века.

Человек, отягощенный прошлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, подзабыв, что текст искривляется и мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав – плод внутренних и внешних усилий.

Миростроительство

Миростроительство началось с обживания земли, а утверждением присутствия на ней человека стал Город.

Рождение города окутано тайной. В Библии его создателем назван Каин. Модель протогорода-лабиринта (гипогейума) принципиально закрыта, и чтобы проникнуть внутрь, чужестранцу приходилось подчас идти на хитрость. Драматичный отголосок этой коллизии содержится в одном из центральных эпизодов эпоса Гомера. Но затруднен был не только вход, но и выход, причем данный сюжет присутствует в древних текстах, пожалуй, даже чаще первого.

Мир негативной архитектуры лабиринта вывернут наизнанку: здесь доминирует земная плоть (земля, ставшая небом), предельно ограничена линия горизонта, а свободное пространство («воля», воздух) – вымерено мастерством строителя и подчинено власти клана. За кромкой тяжелых небес таился некий неблагодатный секрет, и тот, кто чувствовал силы его осмыслить, становился жертвой сумрачного грота – очередным жрецом-архитектором, исчисляющим и продлевающим паутину тоннелей...

Эпоха Древнего мира – это период «отделения тверди от моря». В среде родовых поселений – культуре деревень – складывалась «новая историческая общность»: мозаичный мир земных городов. Генезис города-государства – история интеграции и разделения. Интеграции племен и поселений, отделения от природы и трансформации разобщенного существования в «единство непохожих».

Город возник как особое пространство взаимодействия, интеркоммуникационный узел – сакральное место для родов и поселений. Здесь располагалось общее (особое) кладбище и жертвенник: процесс погребения – точка максимального соприкосновения обыденного и потустороннего. Дополнительным важным фактором была близость «большой воды». Это место выполняло также комплементарные, но устойчивые мирские функции, служило пунктом ежегодного сбора родов в день поминовения усопших, зоной обмена вещами, информацией, то есть являлось базаром, ярмаркой, что еще крепче объединяло близлежащие поселки. Эта особая земля притягивала и дальних странников, которые, однако, не всегда могли войти во внутреннее пространство «белого города», располагаясь на специально отведенной территории.

Первогород был местом социального акта (тинг, вече), где принимались политические, правовые и экономические решения, зарождались институты централизованной – «федеральной» – власти. Постепенно местность обустроивалась. В середине – как правило, на холме – располагалось кладбище. Причем это были не ординарные могилы, а скорее город мертвых со своими особыми «домами», «дворцами», катакомбами. Рядом – ритуальная площадка, нередко объединявшая в единый комплекс гробницу, храм и дворец. Вокруг со временем обустроивались торговые ряды, еще дальше размещались жилища интерплеменного народа – священников, торговцев, охраны, а также временные жилища – городские виллы – уважаемых жителей поселений.

Первым городом человечества – и одновременно обителью богов – был, таким образом, произрастающий из земли некрополь (обитель предков-богов). А первая главная стена возникла не вокруг города, но внутри него. То есть вокруг сакральной территории, отделяя ее от территории мирской – жилой, торговой. Причем внутренние ограды – кладка склепов и гробниц «запретного города» – были массивнее и крепче внешних фортификаций, подчас просто символических. Теперь достаточно было, следуя логике аналогового, синхронистичного мышления той поры, обнести второе пространство внешней стеной – укреплениями, подобными ограде поселений, или просто «магической» (административной) чертой, – чтобы появился город, город-государство как социальный феномен, которого доселе не существовало.

Картография нового организма содержала в себе три логических круга:

- истинный город с горожанами, гражданами – привилегированным населением;
- обширные предместья, где обитали входившие в круг и реестр города-государства сельчане-хоритики;
- отдельный терминал для внешнего люда, преимущественно иноплеменных торговцев, – *portus*.

Центр города, его храм хранили порядок вещей, таблицу судьбы. Внешние стены – ограждали порядок от бурных вод моря житейского. Стража и врата отделяли и одновременно соединяли цивилизацию (организацию) и варварство (хаос).

Генезис города – соединение обиталищ живых и мертвых: здесь гробница, чертог смерти, становится обустроенным пространством культа, а царский дворец является частью некрополя. Тайна городской цивилизации (если это вообще не тавтология), образно говоря, лежит в могиле. Так или иначе в социальном универсуме появилось нечто отличное от прежних поселений, а те в свою очередь обрели специфику: утратив первородство, они стали именоваться деревнями. В

древней истории, кажется, сплошь и рядом старшинство, первородство были чреватые падением и проклятием.

Следующий акт земной драмы – «явление суши»: эон великих империй/интегрий, возникший уже как результат взаимодействия городов-государств. Это период формирования разнообразных союзов, запутанных взаимоотношений и борьбы – торговой, религиозной, военной. По-видимому, всё же не алчность и не быт господствовали над человеком, но более мрачные и решительные силы. Это было время соперничества и раздоров под эгидой племенных божков, идолов, борьбы имен и названий, сопровождавшейся стиранием наименований, искажением исторической памяти. Первые войны человечества были, в сущности, «войнами богов». Активно состязающиеся кланы, две ведущие социальные силы того времени – «люди дворца» и «люди храма». Обеспечивая безопасность, собирая налоги, добывая трофеи, дворец был источником административной власти и образом зримых, мирских богатств. Храм же – гарантировал единство мировоззрения и культуры, и он же, аккумулируя корпус знаний эпохи, информационные потоки, массовые пожертвования, становился средоточием идеологических и финансовых схем Древнего мира.

Эпоха войн знаменовала переход человечества от состояния, в котором доминировала сакральность, господствовало жречество, к новой социальной схеме, где центральное место занимало воинское и управленческое сословия.

Резко возрос статус царской власти – он стал позволять ее представителям претендовать на обладание сакральными жилищами (дворцами), что подтвердило новый (полу)божественный ранг правителей. Формировались и распадались необъятные по прежним меркам пространства, наступало время великих объединений (интегрий), великих империй – протяженных территорий, соединенных властью, экономикой, культурой. Сообщества-интегрии порождали качественно новую форму города – метрополию, столицу – город-лидер, перед которым склоняли головы правители городов-государств. Появлялись иные версии городской культуры: растущие на имперских дрожжах терминалы (прежние *portus*) и создаваемые на обширных просторах искусственные скрепы-поселения («колонии»), где располагались гарнизоны и обитали переселенцы.

Здесь мы находимся на устойчивой почве исторических свидетельств. Предшествующее время – эпоха возникновения изолированных городов-государств – известно нам скорее как археологическая реальность. (Города как феномен возникают, судя по всему, где-то 5-6 тысяч лет назад, их раскопки ведутся на территориях Турции, Сирии, в долине Иордана, в Месопотамии – земле Сеннаар.) А вот государства-интегрии и империи – это более близкая история, известная из письменных источников: историческая Халдея – Шумер и Аккад как устойчивое сообщество городов, – Древний Египет, Ассирия, Китай, Персия, а также Древняя Греция, особенно в эпоху эллинизма, наконец, Римская империя. Эта форма социальной организации несла в себе ген монотонной, поступательной экспансии, что, казалось, должно было бы привести социальный космос к своеобразной тепловой смерти – установлению со временем на планете единой безграничной империи. История, однако, развивалась иначе.

Подведем предварительные итоги. В своем генезисе социальная система прошла три стадии:

- лишенной времени протоистории – аморфного состояния, когда диффузное общество было растворено в окружающей среде и практически не существовало как самостоятельная, автономная реальность;
- становления городов-государств – периода, когда социальная система «коагулирует», интегрируется и начинает активно противопоставлять себя внешней среде;
- возникновения обширных метаструктур, опирающихся в поддержании социальной устойчивости на разветвленную административную иерархию и централизованные механизмы управления.

Так в процессе самоорганизации человечества были сделаны три шага, а затем происходит системная революция, переломившая ход мировой истории.

История как строительство Глобального Града

Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.

Фридрих Ницше

Существует исторический порог, который преодолело человечество. Он связан с началом христианской эры, ставшей Модерном, радикальной системной новацией по отношению к миру традиционному. День истории был отделен от ночи повседневности «для знамений, и времен, и дней, и годов». И время радикально изменило характер. Люди новой эпохи хорошо сознавали это, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*. Позднее, однако, понятие Модерна приобрело иную акцентуацию, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья (а в истории культуры получило со временем даже третий смысл).

Прежний контур социального времени имел фактически замкнутый, циклический характер, хотя, как мы видели, и там можно выделить эпохи – городов-государств, великих империй. Но приближение перемен предчувствовалось. Они проявлялись на протяжении нескольких веков: распространялись эсхатологические настроения, мессианство, то есть происходила значимая перемена направления исторического взора – от прошлого к будущему. Одновременно совершался рассвет монотеизма. Весь этот комплекс обновления позволил Карлу Ясперсу ввести понятие «осевого времени» – пролога вселенского переворота.

История в современном ее понимании тысячью нитей – явно и скрыто, прямо и опосредованно – связана именно с христианской культурой, с внесением смысла в сумятицу времени, с вселенским домостроительством. Общество, возникшее на этой грандиозной строительной площадке, называлось по-разному: христианская, или европейская, цивилизация – либо просто современная цивилизация, «наша эра». Впрочем, в смене имен всегда заложен некий внутренний смысл.

Откуда же взялись поразительные по размаху и следствиям творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, радикально преобразовав стиль жизни и облик планеты? Разница заключалась в том, что появилась человеческая личность, освобожденная от дурной бесконечности, ранжированного бытия, норм поведения, расписанных до мелочей. В традиционном обществе человек фактически не обладает личностью и свободой, его бытие регламентировано, действия предопределены ролевыми обязанностями, время усечено, его течение во многом иллюзорно. С распространением же христианского сознания возникло новое прочтение бытия, раздвинулся горизонт истории, люди ощутили смысл в движении времени как возможности обновления себя и окружения.

В результате рождается новая концепция исторического процесса. У разделенного государственным, религиозным, этническим границами человечества появляется идея мироустройства как вселенского проекта: получив право на действие, люди начинают строительство *Universum Christianum*, понимаемого как универсальное пространство спасения. Единый христианский мир, поднимаясь над временными и суетными различиями, замещал сумятицу племен и государств. Теперь империя, как и Ойкумена, – по крайней мере, в теории – могла быть одна, пусть даже не охватывая собой весь мир.

Всё это вместе взятое определяет рамки исторической конструкции Средневековья как периода смещения футуризма и архаики, времени социального творчества и массовой индивидуации, пространства становления новой антропологии – христианского гуманизма, пытающегося отстоять онтологическое достоинство личности в условиях распада прежнего миропорядка. Взлет духа при этом уравнивался возросшей тяжестью земной жизни, а обретенное чувство равного достоинства людей – косностью сословной инерции общежития.

В мире первого миллениума новой эры общество, взрылленное переселением народов, взбудораженное сутолокой и сумятицей европейского плавильного котла, организуется – прежде всего идеологическим образом. Стремительное безвременье «Темных веков» сокрушило и перемололо многие прежние опоры. Города распадаются или, обращенные в руины, сжимаются, трансформируясь в епархии, а роль системных центров, цивилизационных скреп обширных пространств – функцию прежних городов как административных центров политически организованного общества – частично принимают на себя монастыри, своего рода духовные «города и ограды».

Пространство города в смутные времена словно бы опрокидывается, жизнь из него уходит в сельские просторы, прежние виллы становятся растущими поселениями (память об этом сохранилась в названиях современных городов, которые имеют окончание -виль). Теперь уже на городских пустошах (вновь, как в седой древности) появляются своеобразные «усадыбы» – дворцы сеньоров, изредка навещавших город. Дух же возрождения городского ландшафта приходит со временем не из «административного центра» и не из сельской «глубинки», но от складов и верфей, ремесленных мастерских и торговых площадей комплементарного городка-терминала: эстафету истории принимает многоликий и динамичный *portus*.

У Средневековья два очень разных лица – это и взлет, и распад цивилизации. Но одновременно – ее экспансия. В Средние века парадоксальным образом смешались пробивавшее путь кардинальное обновление жизни и в то же время ее заметная архаизация из-за распада прежней цивилизации, сложившегося ранее миропорядка. Духовный порыв нередко оказывался в одной упряжке с очевидным упрощением не только материальной, но и интеллектуальной культуры, прямой утратой знаний. Отсюда – двоящийся (до сих пор!), крайне противоречивый облик этой эпохи. И всё же – то был грандиозный прорыв, новое прочтение мироустройства и целей исторического бытия.

Что и говорить, расхождение между идеалами и повседневностью было разительным, однако именно христианские идеалы стали тем магнитным полюсом притяжения и напряжения, который

воздействовал на окружающую реальность. Пронизывая своими энергиями структуры повседневности, он помогал преодолевать мерзости бытия, утверждая ценности новой европейской культуры. Обитатели *Universum Christianum*, совлекая, счесывая древнюю, потрескавшуюся кожу, ощущали свое родство с образом иного града – Небесного Иерусалима, – проникаясь идеей деятельного миростроительства, столь отличного от их прежнего образа жизни. С появлением свободной личности история одновременно исполнилась и расщепилась. В персональном прочтении, то есть судьбе, личность открыта для достижения предельного результата, а земное, соборное измерение бытия обретает собственный дальний горизонт, придающий смысл исполнению сроков, то есть пребыванию человечества в истории.

Глобализм теперь мыслится не как проект единой империи – механический реестр всего и вся, – а прежде всего как земная альфа и омега: вселенский по своей полноте, но индивидуальный по существу выбор. История же прочитывается не как вечное возвращение или дурная бесконечность, а как перманентно уникальная и потому непривычно живая, пульсирующая ситуация. В расширяющемся общении человечество само познает формы и творит сроки совокупной судьбы, а полноте икономии спасения противостоит не только прямой отказ от бремени свободы, но и ее апостасийная трактовка.

Следующий шаг истории – современность (*Modern World*), утверждающаяся приблизительно с середины второго тысячелетия.

Дорожная карта Нового времени: трансформация суверенитета

Существование нации есть непрерывный плебисцит.

Эрнест Ренан

В Европе постепенно распадались прежний, не особенно считавшийся с административно-политическими границами круг жизни. Исчезает имперский оппонент и близнец западноевропейской цивилизации, укрепляется мировосприятие, проникнутое духом обустройства бытия, непривычного ранее патриотизма. Вместе со стремлением к снятию феодальных препон и развитием рынка данное состояние общества ведет к появлению столь важного института современности, как суверенное национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Небольшие по прежним меркам государства вступают в неизбежные при новом порядке вещей подвижные союзы и коалиции. Терминалы этого строя населены уже не имперским народом и не этносами, но гражданами, обладающими устойчивыми политическими и экономическими правами, формирующими коллективную субъектность гражданского общества. К этому времени в городах Европы сложилась также инфраструктура мира капитализма, выстраивающего собственный вселенский проект *Pax Oeconomica*. Символом обновления становится город производящий – город-предприятие, город-фабрика (технополис), демонстрирующий коды социальной динамики и расширенного воспроизводства.

Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии) – местную магистратуру/муниципалитет, – то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* – посланный, заместитель) в парламент. С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* – слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судебские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывавшие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Особая роль в гражданском обустройстве Европы принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом, самоуправлением и экстерриториальностью, всему сообществу *noblesse derobe* (дворянству мантии).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру – своего рода закваску национальных государств, – перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова идеальная формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модерна – политической формулы объединения общества. Процесс становления современного государства и политических наций прописан на карте Европы «от моря

до моря» и далее: от портовых городов-республик северной Италии до нижних земель Западной Европы, а затем через Англию/Великобританию нить истории протянулась к берегам другого континента, объявившего целью построение «гражданского политического общества» для созидания «более совершенного порядка».

Вектор истории прочертил хляби и веси европейского континента, преобразуя подданных в граждан, преодолевая и отвергая сословную организацию эпохи престолов и господств. От переходной, отягощенной олигархизмом городской культуры Северной Италии и морских республик-империй Венеции, Генуи, прочих италийских (Флоренция, Пиза, Гаэта, Амальфи, Сан-Марино) и иллирийских (республика Рагуза) городов-государств через Ломбардию к Швейцарской конфедерации – весьма эклектичной на тот момент по составу. А также сквозь ярмарочные пространства Шампани, Брабанта или торговые конгломераты городских союзов к удивительному государству, рожденному фактически первой республиканской революцией новой Европы – Республике Соединенных Провинций Нидерландов. И далее.

Новая эра утверждает права общества и личность самодеятельного гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами.

Важнейший этап становления Нового мира – противостояние формирующегося организма, его пассионариев, движущих сил, элиты, всей ткущейся системы социальных связей прежнему порядку вещей. Наиболее ярко проявилось оно в организации власти, нараставшем столкновении позиций и практик. Какой тип властвования предпочтительнее: монархический или республиканский, автократичный или демократический, самодержавный или правовой? И какая структура общества возобладает: сословная или гражданская?

Так, Генеральные Штаты Соединенных Провинций 14 июня 1581 года приняли решение о «клятвенном отречении» от лояльности по отношению к Филиппу II Габсбургу. И 26 июля провозгласили, что король «не исполнял своих обязанностей в Нидерландах, поэтому больше не считается законным королем», следующим образом обосновав данный тезис: «Правитель Богом поставлен управлять людьми, защищая их от гнета и насилия, как пастырь оберегает овец своих. Но как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющимися приказам, независимо праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем. <...> Когда же он ведет себя иначе – угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, – тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым. В особенности, когда подобное творится преднамеренно <...> подданные могут не только отвергнуть его власть, но вправе приступить к выбору другого правителя с целью своей защиты». Так в государственном юридическом документе впервые декларировалось право народа на отвержение сюзерена-тирана.

Тема ответственности правителей перед подданными не была совершеннейшей новацией для европейского мира. Еще в XII веке Иоанн Солсберийский, соратник Томаса Беккета, высказывает мысль, что правитель должен уважать закон и справедливость. В противном же случае он превращается в тирана, а подданные получают право на сопротивление вплоть до убийства деспота. По знаменитой *Magna Carta* – Великой хартии вольностей, подписанной Иоанном Безземельным в 1215 году, – при нарушении ее статей королем подданные имели право начать против него войну.

Право на восстание было зафиксировано также в декларациях Эрмандады в 1285 и 1286 годах, согласно которым за дворянством и городами Кастилии, Леона, Галисии признавалось право на восстание против короля, «учиняющего акты произвола». Тогда же Фома Аквинский – столп теологии католицизма – писал: «Если право какого-либо сообщества простирается на то, чтобы выдвигать для себя царя, то будет справедливо, если выдвинутый этим сообществом царь будет низвергнут или его власть будет ограничена, если он тиранически злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое сообщество несправедливо, даже несмотря на то что прежде оно возвысило его над собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении сообществом, поэтому договор с ним подданными не соблюдается».

Становление гражданского общества и правового государства (то есть такого, где основой порядка является не воля суверена-правителя, а закон), осознание ограничений, налагаемых обществом на верховную власть, смысл существования которой определяется как благо народа, формирование концепции естественных и неотчуждаемых личных прав граждан – всё это запечатлено в событиях XVII века. Это «долгая» Английская революция, включающая в себя гражданскую войну, казнь короля, провозглашение Английской республики, введение Протектората, реставрацию династии, Славную революцию – кризис власти длиною почти в полвека, который завершился в 1688-1689 годах установлением конституционной монархии. Новая государственность была уже ограничена в своих действиях рядом актов, включая

знаменитый *Habeas Corpus*, принятый парламентом в 1679 году, и «Билль о правах» 1689 года, декларирующий права и свободы подданных.

Об основах и границах государственной власти размышляли в тот период Томас Гоббс, Джон Локк, Дэвид Юм, Джеймс Харрингтон. Обоюдострое право на революцию, право народа «судить о том, имеется ли у него достаточный повод обратиться к небесам» и прибегнуть к насилию «против несправедливой и незаконной силы» (Джон Локк), рассматривалось как исключительная компетенция политической нации. Смысл революционного акта – ограничение худших последствий дезорганизации общества («убийства правосудия») в ситуации властного безумия или «мятежа тирана». То есть революция по сути является «правом необходимой самообороны».

Теперь уже государство – а не государь – выступает в качестве политического суверена, однако решающая роль в становлении социума, легализовавшего понятие гражданского общества и ставшего легитимным источником власти, принадлежит Американской и Великой французской революциям.

Право на восстание при определенных обстоятельствах признается в государственных юридических актах не только правом, но и обязанностью граждан. Иначе говоря, из сферы морального выбора оно переходит в регистр гражданского долга. Так, в Декларации независимости США (4 июля 1776 года) содержится следующий пассаж: «Если длинный ряд злоупотреблений и узурпаций <...> обнаруживает намерение предать народ во власть неограниченного деспотизма, то народ не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство». А во французской Декларации прав человека и гражданина (образца 1793 года) было записано: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть священнейшее право и неотложнейшая обязанность».

Третье сословие буржуа, горожан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи.

XX век: продвижение к Новому миру

Кубок победителя достанется тому, кто стартовал в правильном направлении, даже если он бежал намного медленнее тебя.

Янош Деметр

Новая эра утверждает права общества и личность гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами. Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходя на другие континенты, охватив практически всю планету.

Развитие мыслительного и технического инструментария обеспечивало промышленную революцию, подогревавшуюся инженерным энтузиазмом, а «восстание масс» открыло шлюзы этатизации – главной политической технологии прошлого века, что вкупе с уровнем техносферы, производившей изощренные механизмы (кратно усилившие возможности человека), сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, заложенная в секулярном концепте, и реванш линейной логики – в сравнении с нелинейностью ментальных схем Средневековья – влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, были свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину («аппарат»), на войны как на форму индустриальной деятельности. И – парадоксальным образом по отношению к основам данной цивилизации – на личность как на «машинного человека» (*Maschinenmensch*). Либо несколько иначе – как на «винтик». Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс – номенклатура – своего рода страта политических инженеров («аппаратчиков») эпохи индустриальной цивилизации.

В XX столетии континентальные и морские (колониальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. А поиск золотой формулы грядущего миропорядка ведется на протяжении всего столетия.

Яркий пример – футуристичная миропроектность Коминтерна. Вспомним строки из манифеста Третьего Интернационала, где провозглашалось: «Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».

Схожая тенденция прослеживалась в замысле образованной в том же году Лиги Наций – прообразе будущих мировых регуляторов. В числе других проблем она занималась вопросами госстроительства на обезличенных постимперских пространствах, прочертив границы новых государств, распоряжаясь судьбами народов, обладая подмандатными территориями.

Своя версия «нового общественного порядка» содержалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности его германского варианта.

Послевоенная история – время интенсивной социальной и политической трансформации, включавшей десеграцию, деколонизацию, контркультурную революцию, обрушение властей и режимов: от «революции гвоздик» до «бархатных революций» в Восточной Европе, от распада СССР до «цветных революций», провозглашающих целью приведение реальности в соответствие с конституционными декларациями.

Элементы нового мирового порядка виделись в биполярной системе великих держав, в массовой деколонизации и становлении третьего мира, в формировании глобального рынка. А еще раньше – в комплексной конструкции Организации Объединенных Наций, инкорпорировавшей к тому же несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и автономных. И в существенных изменениях прописей международного права, связанных с делегированием сообществом национальных государств некоторых властных полномочий Совету Безопасности ООН, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с появлением «Большой шестерки/семерки/восьмерки». И с генезисом таких своеобразных регулирующих организмов, как «мировая господствующая держава» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский).

Наряду с феноменом мировых регуляторов отмечу такое явление, как политические интегрии, или страны-системы. В одной из ипостасей это те же Соединенные Штаты – федерация государств Америки, чья административно-политическая граница к тому же не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов». В наиболее же явном виде – это Европейский союз, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства – это постимперские конгломераты, не прошедшие через дивергенцию национальной государственности. Большой Китай – страна с национальными автономиями и языковым разнообразием, интегрирующая симбиотические структуры Гонконга и Макао, а в перспективе – другие территории, к которым имеет прямое и косвенное отношение. Или такое полиэтничное сообщество штатов, как Индия. Потенциально это также аморфное постсоветское пространство, которое на останках структурности СНГ могло бы породить политическую систему как связанную с Россией, так и независимую от нее.

По мере приближения конца века трещины в основаниях мироустройства становились очевидными.

Рушатся классовые, расовые, этнические, национальные перегородки, но параллельно возникают новые. Коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается универсальный культурный переворот. Выход на арену третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, тесному сосуществованию, взаимопроникновению аксиологически и теологически разнородных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчеркивает кентавричность комплексного сообщества.

Возникают влиятельные транс- и парагосударственные образования, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей, при этом государственность сохраняется, но обретает новые формы воплощения – так же, как несколько веков назад политической новацией было само национальное государство.

При моделировании актуального миропорядка обнаруживается ряд оригинальных слоев социополитического текста. Происходит диверсификация суверенитета в форме как мирной дефедерализации (СССР, Чехословакия), так и военных действий, в том числе ведущих к образованию суверенных государств (Бангладеш, Эритрея, новые балканские государства). Энергетика субсидиарной «денационализации» ощутима в Северной Ирландии, Шотландии, Басконии, Каталонии, Корсике, Фландрии, Квебеке, других регионах. А также в генезисе непризнанной государственности (Северный Кипр, Карабах, Приднестровье и др.), в венчурных формах частичной легитимации (Палестинская Автономия, Косово и др.), в поиске способов адаптации к мировому сообществу (Абхазия, Южная Осетия).

Специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность проявляется в Африке во многом как следствие искусственно прочерченных границ в виде этноконфессиональных (Дарфур), трайбалистских (ареал Великих африканских озер), демодернизированных (территория Сомали) образований. Можно также вспомнить эксперимент по строительству бантустанов в ЮАР. Либо опыт повстанческих, криминальных и полукриминальных

латиноамериканских «республик сельвы». Или историю разнообразных несостоявшихся, непризнанных, обанкротившихся государств, мятежных автономий (северо-восток Маньямы), парapolитических конструкций «золотых земель», лоскутных образований – от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до зоны племен на афгано-пакистанской границе.

В футуристично прочитанную субсидиарность вовлекаются не только регионы, автономии, мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим и трансграничным целеполаганием. Черты грядущего строя можно различить в глокализации метаполисного (основанного на гравитации хабов) ландшафта, космополитичном мультигражданстве, растворении гражданского (то есть «городского», «национального») общества в мультикультурной трансграничной среде, становлении постгородского, деэлитизирующегося и отчасти виртуального универсума.

В постиндустриальном тексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Глобализация, проявляющаяся как космополитизм и подвижная транспарентность, размывает очертания прежней картины мира, становясь лоном иной организации человечества с новыми доминантными группами и оригинальной механикой управления.

Гражданское общество – органичная часть культуры национального государства, но поздний индустриализм, породив массовое общество, снизил его политическую упругость. Происходит приватизация управленческих функций элитой и одновременно продвижение к непосредственной (прямой), асимметричной кратии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое, глокальное, а не национальное пространство. В самом же обществе нарастает бешенство превращений, ведется борьба за право на индивидуальность, самовыражение, индивидуальный суверенитет. Логический предел процесса – суверенность по формуле: «Государство – это я». Человек-предприятие (*manterpriser*) институализируется как аутосуверен, следуя формуле: «Нет общества, есть только индивиды и их деятельные проекции». Сообщество новых персонажей совокупно трансформирует среду международных отношений национальных государств (*inter-national relations*), гомогенность которой размывается, а правовые регуляции меняются под воздействием обстоятельств и политического веса агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем оказываемого ими влияния на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

Контурсы нового миропорядка

Время в своем движении тоже сталкивается с препятствиями и терпит аварии, а потому осколок времени вполне может затеряться в какой-нибудь кладовой.

Габриэль Гарсиа Маркес

Девальвация представлений о национальном государстве или сообществе национальных государств как исключительных обладателях суверенитета отражается на стратегиях госстроительства, транснационального сотрудничества, формате международных связей и организаций.

Пример транзита категории «суверенитет» от верховенства и независимости государственной власти – динамика статуса меньшинств. Вплоть до признания их права не только на равноправие, культурную автономию, гражданское сопротивление, но также права на призыв в исключительных случаях к гуманитарной интервенции. Иначе говоря, массовые нарушения прав и свобод человека, равно как этнической, конфессиональной, расовой группы, признается международной, а не исключительно внутригосударственной проблемой, предполагая возможность соразмерного обстоятельствам принуждения к миру, альтернативой чему в свое время стали трагедии Камбоджи и Руанды.

Универсальная политическая революция сопрягается со сдвигами в юридическо-правовой сфере, теории и практике международных судебных органов, что по-своему свидетельствует о транзите. Приоритет международного права над национальным сам по себе свидетельствует об изменении статуса национального суверенитета. Еще один интригующий процесс – приватизация суверенитета, а также форм и способов его трансляции.

Подведем предварительные итоги. Число национальных государств и разного рода квазигосударств превысило на сегодняшний день две сотни. В пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, отколовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного очага. Кроме того, субъекты мировых связей демонстрируют тенденцию к преодолению формата национального государства, стандартного понимания суверенитета, продуцируя политконструкты, подчас выходящее за рамки «классической» национальной государственности. Во второй половине прошлого века «ограниченный суверенитет» в Европе воплотился, к примеру, в

диапазоне от политической реальности стран Варшавского договора до прецедента Косова. Иной пример трансгосударственного транзита – страна-система ЕС, демонстрирующая возрастание властных полномочий Совета ЕС в сравнении с суверенностью отдельных членов (промежуточный результат процесса был конституирован в виде Лиссабонского договора 2007 года).

Это, как и многое другое, требует обновления политологических прописей. Но еще важнее – обнаружение, описание и классификация новых полевых игроков на глобальной арене.

Это модификации, то есть формы адаптации к меняющимся условиям национальной государственности, перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам – глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Дополнительное усложнение дизайна – изменение логики мировых связей. И соответственно – обновление базового протокола картографирования, когда в качестве субъектов актуальной реальности рассматриваются геоэкономические комплексы.

Другая непростая задача – отражение в модели мироустройства феномена государств-корпораций, перестраивающих политическую жизнь по меркам корпоративного управления, и корпораций-государств – влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с политическими амбициями.

На планете появляются также экзотичные антропо-социальные акторы (корпорации влиятельных персонажей), так называемые облачные структуры, политики с неопределенной правосубъектностью, обладающие либо претендующие на обладание своеобразным квазисуверенитетом, ослабленным суверенитетом либо суверенитетом *de facto*, все увереннее действующие в антиномийных слоях расширяющегося социокосмоса.

Ситуацию усложняет особенность глобальной конструкции: синкретичное сосуществование старых и новых акторов в динамичной среде. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию, но также связи и взаимодействия, которые возникают или еще только могут возникнуть между разнородными персонажами мироустроительной драмы. Все эти политики, будучи объединены пространством мировой практики, разделены, однако, степенью успеха в освоении нормативов суверенного персонажа и фактическом признании таковым со стороны мирового сообщества.

Императив комплексной ревизии картографии мирового политического пространства – отражение грандиозности его нынешней реконструкции.

В транзитной среде XXI века радикально меняется также сама основа цивилизации в ее привычном прочтении – городское пространство. Город расплывается и расплзается по планете, превращаясь в эклектичный коллаж трансграничного метаполиса.

Одновременно умножается феноменология дезурбанизации: возникают элитные загородные поселения, внутригородские замки, автономные кварталы, фавелы и бидонвили, по-своему напоминающие о потускневших декорациях *global village*, образуя планетарный архипелаг квазидеревень – трущобы Глубокого Юга. Уже сам выбор термина *global village* на семантическом уровне фиксирует ощущение конца цивилизации, по крайней мере, в ее прежнем понимании (ср.: *civil*). Вилдджизация существует вне символической городской черты – это заметно иное прочтение исторического текста, возможно, сумерки постцивилизации, но, быть может, склоненная глава земного града перед наследником – анонимным до поры персонажем истории.

Цивилизация – форма существования культур, привычно ассоциируемая с урбанистической стадией развития. Культуры, образно говоря, представляют характер исторического индивида, цивилизация же соответствует фазам его развития, «возрастам», но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Культуры, как и личности, уникальны, представляя мировоззренческие коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или уплощаясь. Стадии роста – «детство», «юность», «зрелость» – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят все ступени, порою сходя с дистанции до времени.

На эмпирическом уровне со времен великих империй известны непростые состояния культур – их постцивилизационные состояния. Сценарная футурология интересуется этим вопросом, отвечая на него – со времен пророка Даниила до близкого нам по историческим меркам пессимизма «Машины времени» Уэллса – отнюдь не в логике социального прогресса. Кстати, в апокалиптических картинах с их красочными образами антропологической катастрофы и постчеловеческого мира современников в сущности поражает/увлекает не столько логика алармизма, сколько выплеснутое из глубин подсознания обилие «горючей воды и человеческой крови».

Город-фабрика, город-предприятие, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преобразуется в летучий остров Новой Лапутании – динамичную метакорпорацию, объединяющую рассеянных по миру сотрудников. Эти космополитичные модули

Нового мира соединяют миллионы активных людей, но уже не общей территорией, а контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, гипергеометрией организации, ее деятельной средой. Новый мир создает собственный глобальный проект – дизайн универсально открытого общества, в сетевых глубинах которого растворяется прежняя среда обитания, смешиваются актуальное и иллюзорное, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах обустраивается эфирная конструкция Глобального Града как области взаимодействия глобальных племен, международных организаций, элитных клубов, ТНК, сообществ былых метрополисов, обращаемых в терминалы единого метаполиса, криминальных консорциумов, субкультур. Обитатели и странники космополитичного трансформера связаны между собой подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран. Бывшая же высотная граница эпохи Модерна превращается в комплементарный *portus* «истинного града» – транснационального сообщества, не имеющего единой обители и пребывающего за пределами земных горизонтов: пространство власти без государства и государства без территории.

Среда обитания человека размывается, становясь безбрежной, многовариантной, незнакомой. Новая просторность таит обретения, власть, богатства, приключения, а пионеры виртуальной реальности, как и в эпоху до географических открытий, лишены достоверных карт, надежных маршрутов. Иллюзии и вымыслы, мифы и тайное знание сплетаются с обыденностью, нередко сам факт того или иного события оказывается небесспорен. Совершенная коммуникация разносит аранжировки мелодии гамельнского крысолова, а городской ландшафт конвертируется в многоликий интерьер, уводя жизнь с улиц в бескрайность электронных миров. Обобщенный символ этой призрачной версии Глобального Града – Всемирная Паутина.

И тут занавес исторического действия в привычном для последних двух тысячелетий смысле опускается. Обещанный «конец истории» предстает в виде разбегающихся троп бесконечности и безвременья вселенского лабиринта.

Сложноподчиненная конструкция Мирового Севера и Мирового Юга может быть, впрочем, истолкована как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного суда – да и всего корпуса христианской эсхатологии. В то же время миллионы людей связывают именно эти события с приближением «нового неба и новой земли» (Откр. 21:1) постисторического бытия, символизируемого образом принципиально иного, возникающего из сердцевины истории универсального града – Горнего Иерусалима.

Ночь истории, что тенью соприсутствует на протяжении всех дней творения человеком своего мира, – как изнанка свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, – ощутив исполнение сроков, кажется, способна повернуть социальное время вспять, к пещерной архаике протоистории. В гипотетическом Мире Распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию разложения былых мегаполисов и фрагментацию бидонвилей, скрывается в психоделическом лабиринте мирового андеграунда, на пути к некрополю, погружаясь в дурную бесконечность немой ахронии.

Смутно различимый и предчувствуемый в этом лабиринте Пандемониум – тоже своего рода город, имеющий, наверное, причудливую архитектуру. Но... «здесь страх не должен подавать совета».